

ВСТУПЛЕНИЕ

Припудренный парик с немецкими буклями и косицей, забранной черной шелковой лентой, обрамляет лоб, тяжелая складка на переносице, брови барские — поседевший соболю, из-под них — застывший в печальной мысли взгляд, в подглазницах набрякли темные мешки — следы усталости, одутловатые щеки подпирает туго повязанный шелковый галстук, уголки рта опущены, выдавая характер крутой и надменный.

На сером бархатном кафтане два ордена — Александра Невского и Анны I степени — и пурпурная лента через левое плечо.

Таким предстает Обресков на портрете кисти Федора Рокотова, хранящемся в Третьяковской галерее. Потемневший от времени холст в золоченом багете — в верхней части стены, сплошь завешанной портретами екатерининских вельмож.

Григорий Никитич Теплов, сын истопника, воспитанник Феофана Прокоповича, — и многолетний покровитель его, баловень и пасынок фортуны, последний гетман Малороссии Кирилл Григорьевич Разумовский сошлись здесь, словно в гостиной Малого Эрмитажа. Тут же Петр Васильевич Бакунин, едва ли не единственный, кто мог бы приподнять завесу тайны над одним из самых загадочных эпизодов славного и трагичного екатерининского века — заговором Панина — Фонвизина; секретарь Екатерины Григорий Козицкий, талантливый литератор, доведенный кознями завистников до попытки самоубийства; «сфинкс» Иван Иванович Бецкий. Судьба каждого — глава в истории великого царствования. Надолго останавливается экскурсовод перед каждым из этих портретов.

Впрочем, в основательно изученной летописи эпохи просвещенного абсолютизма есть пробелы, и немалые. Жизнь и судьба Обрескова — один из них.

— Посол в Константинополе... В конце жизни — член Коллегии иностранных дел, — так ответит на ваш вопрос экскурсовод. Ну и еще, быть может:

— Проявил мужество во время русско-турецкой войны 1768—1774 г., находясь в заточении в Семибашенном замке.

И всё.

Вглядимся пристальнее в человека на старинном портрете. Странное, неживое лицо. Восковая маска.

И лишь блики люминесцентных ламп, отражаясь в мелких трещинках лака, оживляют его.

Зрачки зорко поблескивают из-под полуопущенных век.

Алексей Михайлович Обресков, человек государственный, действительный тайный советник, сенатор, дипломат, всю жизнь трудившийся во славу Отечества, в повседневной жизни — человек тяжелый и неуживчивый, не любимый современниками и полузабытый потомками, смотрит на нас из далекого осьмнадцатого века.

Трудна была его фортуна: двадцать лет — треть жизни — прошли на берегах Босфора, на ответственнейшем для русской дипломатической службы посту резидента в Константинополе. Но и прекрасна: мало кому выпадает счастье увидеть на склоне лет дело всей, без остатка, жизни осуществленным.

Тернист и долог был путь России к Черному морю.

Через сколько войн пройти пришлось — не счесть. Воевать не хуже других научились быстро, а вот искусство высокой политики доставалось труднее.

Первое русское посольство появилось в Константинополе еще в конце XV в. Возглавивший его стольник московского великого князя Ивана III Михаил Андреевич Плещеев имел твердый наказ: выговорить облегчение для русской торговли на Черноморском побережье, в Кафе, Азове и Аккермане, где крымцы — потомки Золотой Орды — и степняки-ногайцы чинили обиды и притеснения московским купцам.

В выполнении приказа великокняжеского Плещеев не преуспел — надменные потомки ордынцев продолжали разорять обозы московских торговых людей, — но дорога из Первопрестольной в Царьград была проторена. Долог список послов,

прошедших по ней в XVI—XVII вв.: Алексей Голохвастов (1499), Михаил Алексеев (1513), Василий Коротов (1515), Борис Голохвастов (1520), Алексей Адашев (1534), Иван Новосильцев (1569), Андрей Ищеин-Кузьминский (1571), Григорий ناشокин в царствование Федора Иоанновича, Иван Кондарев (1622), Василий Коробкин (1634), да всех и не упомнишь. Поручения, с которыми они отправлялись ко двору турецкого султана, были самые разнообразные: извещать о вступлении на престол нового великого князя, а затем — государя всея Руси, успокаивать турок, взволнованных известиями о завоевании Казанского и Астраханского царств, трактовать по польским делам (и после Смутного времени, и в связи с Переяславской Радой, и по случаю перехода гетмана Дорошенко со всем Запорожьем в русское подданство). Приходилось и о статьях мирных трактатов до хрипоты с турками спорить после чигиринских походов 1677—1678 гг. или неудачной крымской кампании князя Василия Голицына.

В наказах московских послов первым пунктом неизменно значилось: настаивать на равноправном участии России в черноморской торговле.

Задача эта, однако, оказалось не по плечу допетровской дипломатии. И главная трудность — как ни парадоксально — заключалась не в том, чтобы найти общий язык с южным соседом. В оттеснении России от Черного моря оказались заинтересованы силы куда более могущественные: Франции, Англии, Венеции, Пруссии не нужны были конкуренты в левантийской торговле. В письмах с Карловицкого конгресса 1698 г. дьяк Прокофий Возницын, один из замечательнейших русских дипломатов, жаловался Петру на «себялюбие» бывших союзников по антитурецкой коалиции — Австрии, Польши, Венеции, которые «все себя удовольствовались, а русского царя оставили».

Но уже пал Азов под ударами войск Петра I и в устье Дона поднимали паруса свежестроенные, пахнущие сосной, смолой и морским ветром корабли молодого российского флота...

Думному дьяку Емельяну Украинцеву, посланному Петром осенью 1699 г. в Константинополь для переговоров с турками, велено было требовать свободы русского мореплавания в Черном море.

46-пушечный корабль «Крепость», на котором Украинцев прибыл в турецкую столицу, бросил якоря напротив султанского дворца — Серая.

— Османская Порта бережет Черное море как чистую и непорочную девицу, к которой никто прикасаться не смеет, — заявил великий визирь Украинцеву.

Задача, однако, была поставлена. Россия открыто объявила о своей решимости встать на берегах Черного моря — своих естественных южных границах.

Претворить ее в жизнь предстояло в нелегкой борьбе, на передний край которой выдвинулись дипломаты: Украинцев добился от турок согласия принять в Константинополе постоянного дипломатического представителя России. Первых русских представителей «ко двору турецкому в характере резидента» отбирал и наставлял сам Петр.

Иван Иванович Неплюев до конца жизни вспоминал, что, когда подошел он к Петру благодарить за назначение в Константинополь на резидентскую должность, царь сказал ему:

— Видишь, братец, я царь, да у меня на руках мозоли, а все от того: показать вам пример и хотя под старость видеть достойных помощников и слуг Отечества.

Первым постоянным дипломатическим представителем России в Константинополе — резидентом — стал Петр Андреевич Толстой. Произошло это в 1700 г., в самом начале галантного и жестокого осмнадцатого века, века великих революций, великих философов и великих дипломатов.

При царях Алексее Михайловиче и Федоре Алексеевиче П. А. Толстой — стольник, затем стал было сторонником царевны Софьи, но вовремя одумался — перешел в лагерь Петра. Царь использовал его для разнообразных дипломатических поручений, в том числе в конце жизни довелось ему гоняться по Европе за царевичем Алексеем, следствие над которым он лично возглавил. В 1697 г. П. А. Толстой совершил двухгодичное путешествие по Австрии и Италии, добрался и до Мальты, внимательно изучая все увиденное в чужих краях.

Личность П. А. Толстого, горячего сторонника петровских реформ, особым, ярким светом озаряет первые шаги новой рус-

ской политики на Востоке. В Константинополь Петр Андреевич прибыл 55 лет от роду, будучи уже отцом и дедом. Худо жилось ему в турецкой столице. Послы Англии и Франции сразу увидели в русском посланнике умного и опасного конкурента.

Особенно усердствовал посол Людовика XIV граф де Ферриоль. П. А. Толстой слезно молил Петра позволить ему вернуться на Родину, но шла Северная война, и он нужен был в Константинополе. «Г. Амбасадер!.. — отвечал Петр на просьбы Толстого о замене. — Для Бога не поскучь еще некоторое время быть, большая нужда вам там побыть, которых трудов господь Бог не забудет и мы никогда не оставим».

И подпись: «Piter».

10 ноября 1710 г. султан, наущаемый шведским королем Карлом XII, нашедшим после разгрома под Полтавой пристанище в Константинополе, объявил России войну. П. А. Толстой был посажен в Семибашенный замок Едикуле, где пробыл полтора года.

Черное море и пролив Босфор

Война сложилась для России неудачно. Только слава недавней полтавской победы да дипломатическое искусство вице-канцле-

ра Шафирова спасли Петра от катастрофы. Весной 1712 г. в Константинополь заложниками исполнения кабального для России Прутского мира были посланы Петр Павлович Шафиров и Михаил Борисович Шереметев, сын знаменитого фельдмаршала. П. П. Шафиров и М. Б. Шереметев тоже не избежали Едикуле (побывали в нем даже дважды), но достоинство русских представителей блюли крепко.

Адрианопольский договор, заключенный при их посредничестве в июле 1713 г., стоил русским дипломатам поистине героических усилий. П. П. Шафиров вряд ли преувеличивал, когда в своих реляциях из Константинополя писал: «Многokrатно живот наш в опасности был, понеже нынешний визирь Али-паша, зять султанский и нынешний его фаворит, зело человек прегордый и пресвирепый, многократно при нынешнем трактовании смерти нам угрожал, как аманатам».

Однако и после подписания договора все три русских посла вынуждены были оставаться в турецкой столице, ожидая размежевания границ и «испражнения Азова», переходившего во владение Турции. Лишь в конце 1714 г. П. А. Толстой и П. П. Шафиров возвратились в Москву. М. Б. Шереметев скончался в Киеве.

Адрианопольский договор лишил Россию права иметь постоянного представителя в Константинополе. Только в 1721 г., через семь лет после отъезда Толстого, в турецкой столице появляется новый русский резидент — Иван Иванович Неплюев, человек умный и решительный. В Константинополе он вел дела твердой рукой. Этого требовал и окрепший после Ништадтского мира международный престиж России.

В июне 1724 г. Неплюев подписал договор о разграничении владений России, Турции и Персии в Закавказье — Дербент, Баку, области Гилян, Мазандеран, Астрабад влились в состав Российской империи. Однако И. И. Неплюев решительно противился планам уничтожения некогда могучей, но одряхлевшей Персии. «Давно мы уже твердим Порте, что Россия не может допустить Персию до падения», — заявил Неплюев великому визирю.

Турки вынуждены были отступить, но с осени 1731 г. начались столкновения между Россией и Портой из-за Кабарды, за которую «вступился» крымский хан — давний вассал османов.

К недоразумениям по поводу персидских и кабардинских дел добавились калмыцкие, а впоследствии и польские. Французский посланник Вильнёв стремился обеспечить поддержку турок ставленнику Версаля на польский престол Станиславу Лещинскому. Вильнёв открыто требовал объявления Портой войны России, пугая тем, что «кесарь, Россия и креатура их польский король Август выгонят турок из всех европейских провинций».

Русско-турецкая война 1736–1739 г., стоившая России 100 тысяч человеческих жизней и огромных денежных средств, сложилась для нее неудачно. Австрия, выступившая в качестве союзника русских войск, заключила сепаратный мир с Турцией. Условия Белградского договора, подписанного — ирония судьбы! — при посредничестве все того же известного своим недоброжелательством к России Вильнёва, оказались для нее неблагоприятны.

В такой обстановке в Константинополь для размена ратификационных грамот Белградского мира прибыло посольство во главе с генералом Александром Ивановичем Румянцевым. Ему не в первый раз приходилось выполнять сложные дипломатические поручения. Вместе с Толстым он участвовал в «царской охоте» на царевича Алексея, помогал Шафирову и Шереметеву, возглавлял чрезвычайное посольство в Константинополе в 1724 г.

В веке осмнадцатью послы передвигались неспешно, строго соблюдая сложный дипломатический церемониал. Выехав из Петербурга в мае 1740 г., лишь в августе следующего года Румянцев вступил в Константинополь.

В его свите в скромном звании пажа состоял двадцатидвухлетний подпоручик Алексей Михайлович Обресков.

В Константинополе Обресков оказался, можно считать, случайно. Несмотря на молодость, личные дела его оказались столь запутанными, что ему было до крайности необходимо срочно покинуть столицу. Прочувшись всего два года в Сухопутном шляхетском корпусе, Обресков тайно от родителей женился, но ранний брак оказался несчастливый. Устав в корпусе был строгий, дисциплина немецкая, и если бы корпусное начальство узнало о женитьбе — не миновать бы Обрескову суда и разжалования в солдаты. Помощи ждать было неоткуда, ведь Обресковы — род

древний, но захудалый: от отца досталось Алексею в наследство всего 40 душ крестьян.

Выручил товарищ по корпусу Петр Румянцев, будущий знаменитый фельдмаршал. Он упросил отца, Александра Ивановича, взять Алексея с собой в Турцию. Румянцева-старшего уговаривать не пришлось. Ему самому не раз приходилось испытывать на себе превратности судьбы. Петр II отобрал у него имения, пожалованные за безупречную службу Петром Великим, а при недоброй памяти Анне Иоанновне Румянцев, не ладивший с Бироном, и все был приговорен к смертной казни, от которой чудом спасся.

В Константинополе Обресков сразу оказался в гуще острейшей политической борьбы. Послы Швеции и ее союзника Франции делали все возможное, чтобы еще более ужесточить статьи Белградского мира, по которому Россия не могла иметь кораблей в Черном море и обязывалась скрыть укрепления в возвращенном ей Азове. Однако в то время туркам было не до Европы — они с беспокойством ждали нашествия персидского шаха Надира. Это позволило Румянцеву достойно завершить свою миссию.

Обресков же изъявил желание остаться в Константинополе. Он уже почувствовал вкус к дипломатической карьере, да и все получалось вроде неплохо. Перед отъездом Румянцев дал ему чин поручика драгунского полка.

Штат посольства был невелик: драгоманы Пиний, грек-фанариот, и Буйдий, выходец из Янины (Западная Греция), сотрудник Коллегии иностранных дел капитан Г. Лесли, обрусевший шотландец, да поручик Александр Никифоров, будущий консул в Крыму. Одновременно с Алексеем Михайловичем его пополнил и товарищ Обрескова по корпусу Александр Тырков, вскоре скоропостижно умерший.

Обресков быстро сделался незаменимым помощником посланника, должность которого занял возвратившийся из Петербурга Алексей Андреевич Вешняков.

В корпусе Алексей Михайлович получил не ахти какое образование, но языки немецкий и французский, на которых велось преподавание, знал хорошо. Вскоре Обресков выучился сносно изъясняться на турецком и итальянском, который являлся официальным языком дипломатического общения в турецкой столице.

Многое Алексею Михайловичу дала также и работа под началом Вешнякова — опытного и мужественного дипломата, человека идеи. Излюбленным детищем Вешнякова был проект создания независимого славянского государства под покровительством России на Балканах. Он сумел заразить этой идеей и сотрудников посольства. До конца жизни Обресков выступал за освободительную миссию России в Греции и на Балканах.

Однако недолго пришлось Обрескову работать под началом Вешнякова. В конце июля 1745 г. тяжело болевший в последние месяцы посланник скончался. Похоронили Алексея Андреевича на греческом кладбище близ Буюкдере, где находилась летняя резиденция русских посланников.

Посольство оказалось в крайне тяжелом положении. Почти год русские интересы в Константинополе представлял австрийский посланник Пенклер. Однако все заботы о делах легли на плечи Обрескова. Трудно приходилось с деньгами: в кассе посольства после смерти Вешнякова оказалось всего 10 рублей наличных средств, и для служителей и учеников пришлось организовать «публичный стол», деньги на который ссудил Пенклер.

В ту пору Обрескову было 27 лет.

В преемники Вешнякову готовили статского советника Андриана Ивановича Неплюева, сына Ивана Ивановича. Впервые Неплюев-младший попал в Константинополь в девятилетнем возрасте с отцом. Через два десятилетия, получив хорошее европейское образование, он вновь оказался в Турции — на этот раз в свите Румянцева.

Андриан Иванович не походил на отца ни характером, ни убеждениями. Это проявилось сразу же после его приезда в Константинополь весной 1746 г. По заведенному на Востоке обычаю посол при первом посещении султана, великого визиря и других сановников Порты должен был преподносить богатые дары. Послы из Европы привозили в подарок зеркала, часы замысловатого устройства, показывавшие фазы Луны, телескопы, больших собак, фарфоровые вазы и разную утварь. Из России везли соболей, моржовые клыки, которые не только шли на рукоятки сабель и кинжалов, но и употреблялись при приготовлении порошков, будто бы уничтожавших действие яда, кречетов, чай, ремень.

По приезде в Константинополь П. А. Толстой преподнес султану и великому визирю даров на семьдесят тысяч франков, сумму по тому времени весьма значительную.

Подарки полагались также и чиновникам рангом пониже. Например, Неплюев-старший, рекомендуя турецкого посла Мехмеда Саид Эфенди, выехавшего в начале 1731 г. к русскому двору с известием о восшествии на престол султана Мехмеда I, писал: «Он человек повадный и мало суеверен, говорит по-французски, и потому вице-канцлер может давать ему деньги непосредственно». Поэтому неудивительно, что, проведав о приезде младшего Неплюева, турецкие сановники стали интересоваться, какие подарки привез им новый посланник. В свою очередь, Неплюев отвечал, что посланники преподносят дары лишь султану. Замечание переводчика Порты о том, что надо что-то дать в знак дружбы хотя бы реис-эфенди, Неплюев оставил без внимания.

Чиновники турецкие сочли нового посланника неучтывим и надменным. На деле же все обстояло значительно сложнее. На смену «птенцам гнезда Петрова» пришло новое поколение русских дипломатов. Если каких-то сорок лет назад П. А. Толстой в одном из своих донесений Петру I сетовал, что турки *«в почтении меня презирают не только пред цесарским и французским, но и пред иными послами и житье мое у них зело им нелюбо»*¹, то Неплюев-младший не сносил ни малейшего ущемления своих прав по сравнению с представителями других европейских стран в Константинополе.

— *C'est le point de principe*², — настаивая на своем, говорил он, поджимая упрямые сухие губы.

Слово «принцип» произносили тогда на французский манер — «прэнсип», и было оно новым в устах русских дипломатов.

В принципах Андриан Иванович был тверд, да и характером крут. Ошибок не прощал, что однажды чуть не стоило Обрескову карьеры.

Случилось это в 1747 г. В ту пору в Константинополе объявился некто Федор Иванов, выдававший себя за сына соправителя

¹ Здесь и далее тексты документов выделены курсивом. — *Ред.*

² Это дело принципа (*франц.*).

Петра царя Ивана Алексеевича. Самозванца взяли под арест, и Обрескову было поручено доставить его в Россию. Но по дороге, в Айдосах, Иванов, усыпив бдительность охраны, поднял крик, будто он подданный султана и желает принять магометанство. Турки отбили самозванца и стали угрожать самому Обрескову. Русскому дипломату пришлось спасаться от разъяренной толпы и возвратиться назад в Константинополь. Неплюев, понимая, что держать Обрескова в Константинополе небезопасно, отправил его в Россию.

С тяжелым сердцем возвращался Алексей Михайлович в Петербург. Однако в столице нашлись заступники — и уже в следующем году Обресков снова оказался в Константинополе в чине армейского капитана.

Не подумал он, что с этих пор не доведется ему побывать на родине целых двадцать лет.

6 ноября 1750 г. с Неплюевым, которому только что исполнилось 38 лет, на приеме у прусского посланника случился апоплексический удар. Андриан Иванович умер так же мужественно, как и жил. Его перенесли в посольство, но он отказался от исповеди. Служивший при посольской церкви иеромонах Иосиф в письме к псковскому архиепископу Симеону Тодорскому не преминул злорадно прокомментировать это событие: *«И по приметам прежних лет жития его как в России, так и в Стамбуле не был он совершен христианин, но или лютер, или совсем атеиста, понеже имел великое обхождение с англицким по-слом, а тот явный атеиста»*.

Через три месяца после смерти Неплюева Обресков был назначен поверенным в делах, а в ноябре 1751 г. — посланником в Константинополе, или, как значилось в его послужном списке, послом III класса. В докладе Коллегии иностранных дел о назначении Обрескова говорилось: *«Сей майор Обресков для того способным к тому признается, что он уже тамо при здешних резидентах Вешнякове и Неплюеве около 10 лет и в тамошних поведениях довольно знание имеет»*.

Читателя может сбить с толку путаница с наименованием должности Обрескова — резидент, посланник, посол III класса. Дело в том, что европейская дипломатическая практика в сере-